

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Н.А. Хафизова

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА: МЕЖДУ АНТРОПОГЕННОСТЬЮ И КУЛЬТУРОГЕННОСТЬЮ ПОЛА

Аннотация. В современной ситуации общества постмодерна всё отчетливее проговаривается идея отсутствия половой идентичности и текучести гендерных самоидентификаций. Возникновение такого переживания половости человека стало возможным в результате того, что внутренняя логика понимания гендера как только производного от социокультурных реалий привела к тому, что одни парадоксальным образом свели его к телу, другие превратили его, фактически, в симулякр: в обоих случаях, на наш взгляд, гендер оказался дискредитирован. Нам представляется, что оправдать гендер можно, понимая его как противоречиво проявляющийся (в силу культурных стереотипов, властных отношений, ожиданий или стремления их преодолеть) в культуре, в жизни общества и в повседневном бытовании отдельных мужчин и женщин стиль, который укоренён в антропологии человека — в его биологической природе и формах активности самосознания. Такой взгляд позволяет увидеть всю сложность рисунка взаимоотношений мужского и женского в каждом человеке, ядром которого являются жизненные стратегии пола. Последние выражаются в системе ценностных предпочтений и в том, что маскулинность/феминность мужчины и маскулинности/феминности женщины не тождественны. На основе такого понимания в дальнейшем возможно придать дополнительные оттенки интерпретациям мужских и женских архетипических образов, а также детально описать коннотативные особенности понимания, переживания и способов реализации основных духовных ценностей человечества.

Ключевые слова: культурология, антропология, гендер, пол, маскулинность, феминность, феминизм, симулякр, стратегия, идентичность.

Вопрос о том, что есть пол человека, является одним из основных в современной антропологии, которая конкретизирует данный вопрос следующим образом: укоренен ли пол в человеке? каковы его составляющие? и как вообще может быть возможен пол? Актуальность этих формулировок разворачивается на фоне нешуточной борьбы между классическим, феминистским и постфеминистским видениями полово-гендерной идентичности человека.

Человек — сложное существо, соединяющее в себе три природы — биологическую, социальную (социально-психологическую) и духовную (культурную). Бытование каждого из нас в качестве мужчины

или женщины являет всю сложность взаимоотношений этих природ, с одной стороны, обнажая и доводя до предела подлинные смыслы каждой, а с другой, — показывая всю глубину противоречивости их присутствия в человеке. Последняя демонстрируется тем, что родиться человеком определенного пола вовсе не означает автоматически в развитии стать мужчиной или женщиной. Пол как биологическая данность человека, пол как дух, продолжающий себя в теле, гендер как социокультурный способ существования пола в качестве надстройки над последним или даже его источника — вот основные модели, вокруг которых выстраивается на сегодняшний день дискуссия о том, как возможен пол.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 12-03-00127)

В данной работе сделана попытка ответить на вопрос: что такого есть в способе человеческого бытия, что дает возможность существования пола как единства биологического, социально-психологического и духовного в человеке? Ответ на этот вопрос, по мнению автора, позволит услышать диалог классического и постклассического пониманий пола, где, хоть и утверждается принципиальная различность мужского и женского, но — как модулов природы человека, а значит, существующих в каждом из людей и обретших свою определенность в социокультурной среде¹.

Достичь заданную цель сложно в форме последовательного рассуждения, ибо предмет таков, что объемное его видение является итогом освещения, казалось бы, не связанных друг с другом тематических кусков, которые к концу, надеется, обретут целостность.

Панорама взглядов на пол и гендер

При размышлении над выше обозначенными вопросами никак не избежать необходимости обратиться к проблеме содержательного определения понятий «пол» и «гендер» различными антропологическими направлениями в ознакомительном варианте.

Традиционный взгляд выводит всю специфику мужчин и женщин из пола как неизменной биологической данности. В рамках этого подхода возникла четкая ассоциативная связь мужчины с разумом, духом, волей, культурной и социальной деятельностью, а женщины с телом, душой, чувством, природой, материнством; здесь, за редким исключением, мужские корреляты признавались более высокими, важными, чем женские.

Внутри этого подхода имеются позиции, которые заслуживают особого внимания, на наш

взгляд, в силу наличия в них нетрадиционного потенциала. Так, И. Кант в своей ранней работе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», прямо не говоря, утверждает наличие мужских и женских качеств в обоих полах: «...можно полагать, что каждый пол сочетает в себе и то и другое, однако у женщины все другие достоинства соединяются лишь для усиления в ней характера прекрасного, с чем, собственно, соотносится все, тогда как среди мужских свойств возвышенное отчетливо выделяется как отличительный признак пола»²; при этом франтов он прямо характеризует как женоподобных.

Антропология фрейдовского и юнговского психоанализа, несмотря на всю укорененность её авторов в традиционном видении полов, позволила увидеть такие единицы психики, как архетипы и комплексы, а также социальные роли в качестве производных не столько от анатомии и физиологии, сколько от взаимодействия самосознания и тела, тела и культуры, создав предпосылки для появления понятия «гендер».

Русская религиозная философия в лице В. Соловьева, В. Розанова и Н. Бердяева создала метафизику пола, который оказывается прописан в телесно-духовном единстве. В их трудах пол понимается шире; он — половинка человека со спецификой и биологического, и психологического, и духовного. В русской философии женственность и мужественность трактуются не как свойства тела, а как проявления особо устроенной души, имеющей отношение к космическому порядку³. Признается, что для становления подлинной личности важно не уравнивать мужчину и женщину, не сводить одного к другому, а утверждать мужественность в мужчине, женственность в женщине, дабы усиливать их специфику. Цель женщины — воплощать женственность, которая ведет к гармонии, любви, красоте, свободе, вдохновению мужчины на творчество. Цель мужчины — созидание, творчество⁴. Пол, разлитый в человеческом теле, всегда одухотворён; по сути, он — дух, продолжающий себя в теле. Даже устройство половых органов отражает строй мужской и жен-

¹ Утверждение наличия в человеке трех природ и намерение искать ответ на вопрос о возможности пола в самом человеке говорят о том, что автор находится на платформе эссенциальной трактовки человека, так как видится, что возможности этого подхода еще не исчерпаны, в том числе, в отношении человеческого пола. Возможность в её классическом понимании, позволяет наилучшим образом этот потенциал актуализировать (см. подробнее: Гегель Г.-Ф. Учение о бытии // Гегель Г.-Ф. Наука логики. Книга 1. Учение о бытии. Т. 1. М.: Мысль, 1970; Гегель Г.-Ф. Учение о сущности // Гегель Г.-Ф. Наука логики. Книга первая. Учение о сущности. Т. 2. М.: Мысль, 1971). Возможность как причина существования пола — имманентна, укоренена в человеке, тогда как возможность в качестве условие — это социокультурная среда, переводящая потенцию в непростое актуальное бытие пола.

² Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 151.

³ См.: Соловьев В. Смысл любви // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.

⁴ См.: Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.

ской души: «каковы души, таковы и органы»⁵. Таким образом, здесь пол понимается в качестве проявления жизни, которой дух не противостоит, но разнообразит её до множества уникальностей мужских и женских личностей (и если уж идти до логического конца: дух не противостоит телу, но — продолжает себя в нём).

В исследовании по антропологии феминизма⁶ даётся описание малоизвестной для русского читателя работы Георга Зиммеля «Относительное и абсолютное во взаимоотношении полов», а также его работы «Женская культура»⁷. В этих работах, вроде в совершенно традиционном ключе рассматривается специфика женщин и мужчин, которая у женщин коренится в телесном бытии, а у мужчин — в дискомфорте духа, порождающего мир социума и культуры. Но так как для Зиммеля жизнь как ценность важнее духа, то и женское бытие у него признается наиболее значимым мужского духа. Интересен поворот его мысли к тому, что женщина, будучи природным существом, может вполне самостоятельно участвовать в создании культуры, и Зиммель указывает те направления, где женщине посылно внести весомый культурный вклад. Тем самым была предвосхищена идея радикальных феминисток о возможности иной, отличной от мужской, формы культуры.

Говоря о традиционном подходе, стоит упомянуть концепцию советского ученого, доктора биологических наук В.А. Геодакая⁸, в которой специфика половых социальных ролей напрямую выводится из биологической специализации, заложенной в X и Y хромосомах; первая отвечает за сохранение, вторая за изменение. Данная теория заставляет задуматься о том, насколько возможно игнорировать значение биологической природы в вопросе половой идентичности как у женщин, так и у мужчин. И. Кон, критически освещая теорию означенного автора, также пишет о том, что нельзя сбрасывать со счетов биологический источник половых стратегий, которые в определенной степени

связаны с мужским гормоном — тестостероном, и женским — эстрогеном⁹.

*Феминистская антропология*¹⁰, актуализировала понятие «гендер», введенное в 1968 г. Р. Столлером. Гендер — это социокультурная надстройка над биологическим полом, он — способ его существования в обществе и культуре; гендер не вырастает автоматически из пола, он — итог социальных ожиданий от пола. Феминизм заговорил не столько о мужчинах и женщинах, сколько о маскулинности и феминности как определенной совокупности черт психики, ценностных установок и поведения рожденных в качестве мужчин и женщин, которая зависит от характера социокультурной среды.

Особое влияние на теорию феминизма оказали антропологические исследования М. Мид жизни племен арапешей, мундугуморов и чамбули¹¹, в которых она встретила с альтернативными моделями проявления феминности и маскулинности в межполовых отношениях и формах социальной активности. Арапешки были все феминны, мундугуморы — маскулинны, у чамбули женщины были маскулинны, а мужчины феминны. Проанализировав результаты исследования, Мид сделала вывод о том, что личностные качества никак не связаны с биологическим полом и являются легко изменяемыми в той или иной культурной среде признаками. О корректности таких выводов речь еще будет идти в другой части данной работы, но для феминисток они стали значимыми.

Как и традиционная антропология, феминистская её версия неоднородна. Так, С. де Бовуар¹², проговорив: «Женщиной не рождаются, ею становятся», — по сути, заявила, что нет особой природы

⁵ См.: Розанов В. Люди лунного света. М., 1992. С. 40.

⁶ Брандт Г. Философская антропология феминизма: природа женщины. СПб: Алетейя, 2006.

⁷ Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М., 1996.

⁸ Геодакян В.А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. М., 1989. С. 171-189, а также: Геодакян В. Эволюционная теория пола // Гордон А. Диалоги [2]. М.: Предлог, 2004.

⁹ Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Часть I. СПб: Алетейя, 2001.

¹⁰ Общий обзор идей феминистской антропологии сделан на основе следующих работ: Брандт Г. Философская антропология феминизма: природа женщины. СПб: Алетейя, 2006; Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2003; Жеребкина И. Прочти моё желание: постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.

¹¹ Мид М. Культура и мир детства [Электронный ресурс // URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm].

¹² Бовуар Симона де. Второй пол. Т. 1-2. М.: Прогресс; СПб: Алетейя, 1997.

полов, что они идентичны¹³ и целиком зависят от общественной практики и культурной ситуации в социуме. Дав блестящее описание того, как мужчины и женщины воспринимают себя через своё тело, она предложила начать воспринимать последнее не как не судьбу, а всего лишь как метку, что, по её мнению, вполне возможно в ситуации одинакового воспитания мальчиков и девочек. В силу того, что либеральный феминизм, прежде всего, решал проблему равенства, гендерные различия, связанные с бытованием тела, игнорировались, и признавалось, что соответствующая культурная среда способна их устранить в силу тождества духовной природы мужчин и женщин.

Возникший позднее радикальный феминизм, наоборот, именно тело признал в качестве источника существования принципиальной различности мужского и женского бытия. Причиной этого стало, скорее всего, понимание, что равенство полов заключается не в их тождестве, а в равноценности их различности, взаимодополнительности в культурном и социальном творчестве. Поиск источника этой отличности и привел к новому открытию женского тела. Например, Н. Ходорова и К. Гиллиган, признавали, что пол — это производное от анатомии, но осознание себя мужчиной или женщиной есть результат способности выбрать соответствующую своей анатомии модель поведения, связанную с социальным институтом отцовства/материнства и с формой отношений мальчиков и девочек с матерью. Э. Гросс, А. Рич, и С. Гриффин усилили внимание к женскому телу, что именно оно и есть практически единственный источник специфики женского, ибо женщина мыслит через тело. Так гендер получил прописку в телесности, дух при этом выпал из поля внимания этих исследовательниц, а социокультурная среда была осознана как фактор, позволяющий или мешающий реализовывать гендерные спецификации. Отсюда, борьба с мужским дискурсом власти.

Творчество М. Фуко и Ж. Деррида, сформулировавшие идеи зависимости субъекта, его телесности, сексуальности от языковых практик, стало методологической основой как для поздних феминисток, так и для возникновения постфеминизма. Х. Сиксу, Л. Иригарэ, Ю. Кристева в унисон заговорили, что женственность — это свойство

тела, которое должно заговорить своим языком, языком, который в принципе, в отличие от унифицированного в духе мужского, будет всегда продуцировать множественность, незавершенность, индивидуальность, ускользающие смыслы, ибо он выражает специфику организации женской телесности.

Постфеминизм в лице основной его представительницы Дж. Батлер провозгласил конец не только пола, но и гендера в его классическом понимании. Здесь, пол уже — не продукт универсальных природных сил, а различных культурных предписаний, да и тело становится результатом культурного конструирования. Гендер не столько настраивается над полом, сколько предшествует полу¹⁴; последний в силу этого рассеивается, и половой идентичности нет. Гендер начинает трактоваться как переменная, присутствующая в каждом мужчине и женщине; соотношение же мужского и женского находится в прямой зависимости от жизненного, социального и культурного опыта конкретной личности. Думается, что отказ понимать гендер как то, что связано с биологическим полом, но — только как социокультурные вариации есть результат продолжение многовековой борьбы, осуществляемой европейской цивилизацией¹⁵, борьбы между духом и телом, в которой последнее оказалось во власти первого. Гендер в постфеминизме, фактически, превратился в симулякр как знаковая реальность, принципиально не соотносящаяся ни с какой действительностью, состоящая из моментов становления и исключаяющая возможность любой идентичности.

Так же как символ, изначально в культуре понимавшийся в качестве непременно связанного с некой трансцендентностью, в текстах постструктуралистов предстал в качестве знака, который отныне не связан с означаемым, а сам означает соседями, так и гендер. Распространившись как концепт в эпоху безусловного лидерства философии постмодернизма, гендер, особенно, в постфеминизме стал пониматься не имеющим отношения к полу как к тому, что он означает культуре, что еще раз указывает на его симулякрый характер.

На наш взгляд, придание гендеру статуса реального выразителя пола (но не источника его

¹³ Галина Брандт в уже упоминавшейся книге говорит о том, что впервые подобную позицию высказал Платон в «Государстве» и «Законах».

¹⁴ Так, М. Фуко в «Истории сексуальности» показал, что пол — исторически сформированная форма сексуальности.

¹⁵ Об этом см.: Джонсон Р. Мы: Глубинные аспекты романтической любви. М.: Когито-Центр, 2005.

формирования!) в определенных социокультурных условиях (а не как параллельная форма существования представлений о поле в культуре и предъявления их в обществе) является важнейшей задачей для антропологов. Пол связан с тем, что есть мужчина и женщина (здесь предполагается наличие внутренних — антропологических — источников пола, о которых речь и пойдет дальше), гендер же более выражает то, как пол предъявляет и реализует себя в обществе и культуре. Гендер — это стиль; это — не список сфер деятельности, закрепленных за разными полами, это описание того, как мужчины и женщины раскрывают себя в любых сферах жизни общества и в отношениях друг с другом; это — не список ценностей, прочно как будто ассоциирующихся с тем или иным полом, а то, как организовано пространство одних и тех ценностей, что рождает оттенки бытования последних в пространстве жизни мужчины или женщины.

Основной вклад феминизма и постфеминизма в теорию пола можно выразить в следующих позициях. Во-первых, именно через понятие «гендер» было осмыслено, что мужское и женское бытие не сводятся к биологической природе, добавим от себя: только к биологической. Во-вторых, феминность и маскулинность были признаны в качестве ядра, вокруг которого и формируются половые жизненные стратегии, а постфеминизм признал наличие обоих начал в каждом. В-третьих, было осознано, что половая идентичность длительное время формировалась в рамках мужской культуры, и что сформировавшиеся гендерные различия есть результат политической власти мужчины.

Но в рамках этих направлений человеческая природа предстала уплощенной и упрощенной. Феминистки «потеряли» духовную природу, а постфеминизм вообще растворил пол и половую идентичность. Причем, в обоих случаях произошел отказ от одной из природ, присутствующих в человеке по его рождению в качестве такового. Думается, что на самом деле, с одной стороны, перефразируя С. де Бовуар, чтобы стать мужчинами/женщинами, надо, как минимум, родиться в качестве мальчика/девочки, а с другой, — если бы не самосознание, то и маскулинности, феминности, гендера не возникло бы никогда¹⁶.

¹⁶ Так, у людей, рожденных, например, с ограниченными возможностями проявления разумности, вообще не встает вопрос о собственной половой идентичности: природа-биология определяет всё, и никаких комплексов. Да, и проявление архетипов сомнительно у таких людей: скорее, речь в

Таким образом, вопрос: как возможен пол? — порождает необходимость аналитической демонстрации укорененности пола/гендера в самом человеке, а не в культуре, где последней отводится роль выразителя пола, придающего ему оттенки, или искажателя, что приводит к самоотчуждению и потере своей идентичности.

Самосознание как имманентный источник пола

Пол есть дух (самосознание)¹⁷, продолжающийся (не изливающийся в тело, а бытийствующий в нём) в теле и разнообразящий себя до множества женских и мужских индивидуальностей.

У мужчин и у женщин есть тело и дух (его ядро — самосознание): вот то, что является источником половости в человеке, которая бинарна в своей основе (наличие мужского и женского в каждом человеке присутствует и в формах активности самосознания, и в биохимическом устройстве тела) и диалектична: в ней оба начала могут конфликтовать, а могут быть в синтетическом единстве.

В этом тексте не предполагается детальное освещение биологической основы половой идентичности. Однако несколько слов все же скажем об ее взаимоотношениях с самосознанием. Конечно, огромную роль играет то, как ребенка учат воспринимать свое тело и тело другого, как происходит идентификация со своим полом в результате отношений с матерью и отцом (об этом написаны сотни книг по психоанализу) — всё это формы культурной огранки самосознания ребенка. Но при этом, важно понимать, что активность самосознания в отношении мира и себя имеет не только опосредованный культурными интерпретациями пола характер, но может иметь и непосредственный характер.

Наше тело всегда имеет пол — на уровне хромосом ли, в наличии соотношения мужских и женских гормонов ли, в устройстве половых органов ли, — детское переживание которого как

данном случае идет об освоении ими поведенческих стереотипов, которые более инстинктивны по природе возникновения, чем архетипичны.

¹⁷ Ядром духовной природы является дух в качестве самосознания, хотя этим духовная природа не исчерпывается. Так, по нашему мнению, бессознательное — тоже часть духовной природы, особенно, когда речь идет об архетипах, ведь они — результат культурного оформления взаимодействия самосознания с собственным телом и внешней природой.

спонтанная форма самопознания вне навязываемых культурой стереотипов, непременно утверждает тело в качестве источника своей половой идентичности.

Так, всякий человек проходил этап знакомство со своим телом непосредственно: об этом совершенно замечательно пишет С. де Бовуар во «Втором поле». Любой мальчик рано или поздно узнает, что такое непроизвольная эрекция, и как знать: не это ли переживание лежит в основе того, что мужское более тяготеет к разведению тела и духа. Так же как и любая девочка сталкивалась с тем, что ей самой её тело, его устройство, и то, что с ним происходит, казалось тайной, причем не столько пугающей (ибо происходящее в теле девочки/девушки не доступно для глаз ни ей, ни окружающим, тогда как эрекция может быть вполне очевидной), сколько притягивающей. Так что восприятие себя целостной, не знающей точно своих частей (для женщины, даже и видевшей их изображение на иллюстрациях, это дело не меняет: она все равно эти части не чувствует частями, а лишь как целым с душевными переживаниями образованием). И здесь не нужна никакая культура, которая говорит, как должно или не должно быть: здесь прямой контакт самосознания и тела, рождающий особенности психического восприятия себя и другого.

Самосознание. Во-первых, оно дает о себе знать, как было сказано, в своей активности в отношении собственного тела: самочувствие принадлежности тела себе, фиксирование состояний удовольствия и страдания, понимание происходящего с телом, волевое управление им, а также в возникновении единиц бессознательного в столкновении с *желанием* и *неведением* относительно тела.

Во-вторых, активность самосознания не только приобщает через культуру к множеству социальных практик предъявления себя-в-мире, но и проявляет себя (жизненные стратегии, о которых речь пойдет ниже) в них. Результатом этой активности и являются архетипы (в них закодированы различные — гармоничные и дисгармоничные — варианты спонтанного проявления в социальной действительности взаимоотношений тела и самосознания, которые, оформляясь, прежде всего, в процессе отношений между родителями и детьми¹⁸) и ценностных преференций/оттенков. В по-

следних находят свое выражение совершенные (идеальные) — органичные телу и не противоречащие жизненным стратегиям — модели мужского и женского самих по себе, и в их гармоничном сочетании.

Самосознание само по себе не имеет половой окраски, но в своей активности в отношении мира оно порождает два вида жизненных стратегий, в идеале коррелирующих с биологическим фоном. Одна из них делает ставку на самоутверждение (мужская), другая — на освоение мира (женская). И в силу того, что в каждом человеке самосознание активно в обеих формах, мужское и женское присутствует в каждом мужчине и женщине. Самосознание же, «прислушиваясь» к особенностям своего тела или игнорируя их, одну из этих стратегий актуализирует в качестве лидирующей. Таким образом возникают как маскулинные, так и феминные мужчины, как феминные, так и маскулинные женщины: тело и самосознание здесь оба — источники пола.

Но стоит вернуться к описаниям племен М. Мид, чтоб увидеть укорененность маскулинности и феминности в самом человеке, а также то, в чем её выводы искажают действительное, по нашему мнению, положение дел. Она правильно подметила, что гендерные роли могут быть различны. Но они таковы не потому, что являются *только* результатом воздействия внешних условий, но — тесного взаимовлияния географических и социальных реалий с духовной и биологической природами человека. Выдвинем предположение, что не всегда возникновение власти мужчины связано с его экономическим превосходством (ведь женщина, подчас, работала больше мужчины, и, значит, по закону «престижной экономики» должна была иметь больше собственности). Чаще всего, наличие или отсутствие власти у мужчин отражали уровень выраженности личностного начала мужчины, предполагающее преодоление своей зависимости от женщин.

Так вот, в племени чамбули мужчины стали выполнять женские обязанности (почему и как это произошло, Мид не описывает, но ко времени её экспедиции к ним дела уже обстояли так), что усилило в них феминные черты, а реальная власть оказалась у женщин. Но вот вопрос: означало ли это, что маскулинность мужчин и феминность

тал, значимы не только отношения матери и сына, но и матери с дочерью («Психологические аспекты архетипа матери»), что сказывается на качестве женственности уже дочери; об этом же писала и Л. Иригарэ.

¹⁸ Об этом пишет К. Гиллиган в своем исследовании «Иным голосом», практически вторя К. Юнгу, который, правда, счи-

женщин исчезли? Ни в коей мере. М. Мид, описывая характер социальной активности женщин этого племени и времяпрепровождение мужчин, просто не замечает, что за этой внешней — иной для них — формой говорит их природа. Так, активная позиция женщин не обладала поистине маскулинными свойствами: женщины не самоутверждались, а своими действиями обесценивали войну, насилие, и сделали ставку на устойчивость и единение. Мужчины же, занимавшиеся воспитанием детей, наряду с феминностью вовсю проявляли свою маскулинность в отношениях друг с другом: они соперничали по любому поводу, многие из них вели себя неврастенично (неврастения, по А. Адлеру¹⁹, — это *мужская* реакция на отсутствие реальной власти над ситуацией, с направлением агрессии на себя).

В племени арапешей оба пола были феминны, что проявлялось в методах воспитания детей, в сексуальных практиках. Усиление именно этого начала и практическое отсутствие мужского напрямую отражали характер приспособления к природным условиям (горы, вдали от иных племен, совместный труд), к замкнутому характеру их жизни, что развило в них созерцательность, минимизировало агрессивность. А главное, эти условия не инициировали возникновения индивидуальности, что проявилось в отсутствие личных имен, профессионализма в любой деятельности и т.п. Таким образом, здесь мужское развитие не прошло стадию сепарирования от женщины.

У мундугуморов была ярко выражена маскулинность обоих полов. Бесконечные войны за земли вдоль реки, канибализм, система родства, которая усиливала конкуренцию между представителями одного пола и у женщин, и у мужчин, инициация обоих полов — все это усиливало маскулинные черты. Тяга родителей к детям противоположного пола выглядит в этом племени как настоящая *тоска* по себе же (в глазах другого) в своей естественности.

Описания М. Мид феминности и маскулинности воспроизвели традиционный взгляд, согласно которому, феминность у женщин связывалась с институтом материнства, маскулинность мужчин с социальной активностью. Эта позиция вполне отвечала пониманию того, что маскулинность и феминность социокультурны по происхождению. Но, считаем мы, они — не продукты социокультурной

практики, а — ее *стили*. Максимальное проявление специфики сексуальности и ценностных миров осуществляется на уровне культуры, в межличностных отношениях и во внутреннем устройстве души каждого человека: маскулинность и феминность в них существуют в гармоничном и дисгармоничном сочетании²⁰, и связана с приоритетом той или иной жизненной стратегией пола.

Жизненные стратегии пола

Специфическое свойство человека — быть активно действующим *субъектом*; можно спорить об истоках содержательного наполнения субъективности, о роли дискурса в нем, но не о субъектности человека как некоего, изначально потенциального, но центра, обеспечивающего последующие непрерывности целостность личности.

Человеку как субъекту, действующему в мире, присущи две формы активности: внешняя и внутренняя. Детальное описание их диалектики было дано в свое время Гегелем посредством описания процессов субъективации и объективации; эти процессы в поле конкретных отношений, порождаемых человеком, получают дополнительное смысловое уточнение в парах «распредмечивание — опредмечивание», «присвоение — отчуждение», «освоение — самоутверждение». Последняя пара — *освоение* и *самоутверждение* — это, по сути, уровень ценностных, смысловых отношений субъекта с миром других субъектов.

Сутью субъективации является присвоение, единения много в одном, ведущие к усложнению субъекта; это — движение к себе через *иное*. Объективация есть отчуждение, отталкивание, расщепление одного для многого, как то, что сохраняет и проявляет субъект²¹. Характеризуя проявление этих модусов человеческой активности, Гегель пишет: «Индивид или *предоставляет* потоку действительности свободу влияния на себя или обрывает и преобразует его»²². Побуждающая сила изменяет *иное*, его границы; побуждаемая иным-другим сила изменяет границы и содержание субъекта. Это есть внутренняя и внешняя активность субъекта.

²⁰ Описание итогов анализа гармоничного/дисгармоничного сочетаний предполагается в следующих текстах.

²¹ Гегель Г.-Ф. Учение о бытии // Гегель Г.-Ф. Наука логики. Книга 1. Учение о бытии. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 245-246.

²² Гегель Г.-Ф. Феноменология духа // Гегель Г.-Ф. Соч. Т. IV. М., 1959. С. 164.

¹⁹ Колесников В.Н. Лекции по психологии индивидуальности. М.: Ин-т психологии РАН, 1996. С. 63.

В ценностном плане внутренняя активность связана с освоением мира. Освоение — это субъектно-развивающее отношение к *иному*, сопровождающееся процессами присоединения себя к нему, резонирования с миром, восприятия его своим, это — процесс обретения человеком себя через единение с *иным*, гармонию с низшим, равным, высшим. Главный итог освоения — это самоусложнение. Освоение связано с субъективацией *иного*, его распрямлением, присвоением, что есть его утверждение в себе для себя. Также оно выражается в расширении и углублении эмоционально-чувственного опыта, в переживании смысложизненной напряженности своего существования. Освоение как процесс внутренней активности, упорядочивающей, выстраивающей связи для единения осваиваемых иных в себе, есть гармонизация.

Внешняя активность человека проявляется в способности самоутверждаться, достигая максимально возможной для конкретного человека степени открытости. Самоутверждение — это субъектно-созидающее отношение, выражающееся в процессах индивидуализации, осознания и утверждения своего Я, достоинства, ценности и самоценности; оно — путь к совершенству и способ его адекватной реализации, это — условие сохранения себя в процессе единения с *иным*²³. Самоутверждение, по сути — это объективация субъекта, его опредмечивание в словах, поступках, материальных вещах, это — отчуждение себя от себя в *ином* и отчуждение себя от *иного* для само-сохранения (что тоже есть утверждение себя). Это приводит к возникновению границ в паре «своё — иное». Самоутверждение является источником возникновения дисгармонии, так как оно всегда есть выход за границы — себя ли, других ли, — который разрушает старую и ведет, хоть и необязательно, к новой гармонии.

Полноценное человеческое существование предполагает наличие обеих форм активности, но жизнь конкретного человека оформляет их уникальное сочетание в отношениях с другими людьми. Имеется два базовых конструктивных типа сочетаний: приоритет самоутверждения над освоением и приоритет освоения над самоутверждением. Стратегия — всегда выражает вот эту вот связь субъекта с объектами; причем, именно она является системообразующим элементом и этих

отношений, и самого субъекта. Жизненные стратегии превращают внутреннее и внешнее пространства субъекта в единое целое смысловое поле его жизни. Коротко, сущность этих стратегий можно выразить в следующем.

Приоритет самоутверждения над освоением говорит о том, что субъект деятельности нацелен на самоутверждение в мире, а освоение играет вспомогательную роль. Иное чаще всего воспринимается в качестве того, что следует покорить, преобразовать в соответствии со своими интересами, что, по сути, есть борьба с иным. Это такой активный вариант самоутверждения в мире. Освоение в рамках этих отношений имеет два смысла. Первый, естественный, — самоусложнение в процессе диалога с иным; таким образом понятое освоение в отношении самоутверждения может быть выражено так: «Осваивать столько, сколько требуется для самоутверждения». Второй смысл освоения проявляется как результат такого самоутверждения в ином, когда происходит усложнение собой и через себя внешнего мира как присвоение его себе. Это проявляется, например, в таких выражениях как «освоить целину», «освоение земель североамериканских колоний» и т.п., что отражает именно контекст внешнего подчинения, а не внутреннего освоения. Девизом этой стратегии могут стать слова: «От изменения мира к изменению себя, чтобы наиболее эффективно изменять мир».

В *приоритете освоения над самоутверждением* первое является целью, второе — средством. Иное в этой перспективе воспринимается как ресурс собственного развития, который ценен сам по себе; а значит, следует иное не покорять, а себя под это иное изменять; речь идет о преобразовании иного в себе, о внутреннем самоусложнении. Самоутверждение в этом варианте имеет две стороны. Первая, это — активное самоутверждение как преобразование иного под себя; взаимоотношение активного самоутверждения и освоения можно описать так: «Самоутверждаться настолько, насколько это необходимо и достаточно для освоения мира». Вторая сторона самоутверждения, отражающая процесс освоения иного, — это сохранение своей идентичности в диалоге с иным, в самоизменении. Лозунгом этой жизненной стратегии могли бы стать слова: «Изменяя себя, мы изменяем мир, но только чтоб снова самоизменяться, не теряя себя при этом».

Если внимательно приглядеться к описанию этих жизненных стратегий, то станет ясно, что

²³ Орлов Б.В., Эйнгорн Н.К. Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург, 1993. С. 82.

они вполне могут быть соотнесены с женским и мужским способами бытования²⁴. Итак, мужское начало коррелируется со стратегией, в которой самоутверждение является приоритетным по отношению к освоению; женское же, напротив, «исповедует» приоритет освоения мира над самоутверждением. Мужская активность более явна, так как направлена вовне, женская активность внешне может выглядеть как пассивность, но в действительности это — проявление восприимчивости как формы внутренней активности. Самоутверждение порождает процессы борьбы, соревновательности; освоение связано с потребностью упорядочить, установить связи между частями, создавая единое целое.

Процесс самоутверждения дискретен, он связан с результативностью, освоение же имеет непрерывный характер, и в нём процесс и результат синкретичны. Мужское в связи с его жизненной стратегией более ориентировано на иерархические отношения, социальный порядок, правила, справедливость, тогда как женское — на горизонтальные, межличностные, отношения, спонтанность, милосердие, заботу, о чём прекрасно пишет К. Гиллиган в своем исследовании «Иным голосом».

Сделанный К. Гиллиган²⁵ анализ особенностей детских игр, выявленных Жанет Левер, показывает, что наличие этих стратегий видно уже с детства. Так, К. Гиллиган пишет: «Традиционные игры девочек — ...это игры, где играют по очереди, соревновательность в них не главное, поскольку победа одного не обязательно означает поражение другого... В самом деле, большинство девочек утверждали, что, когда вспыхивала ссора, они прекращали игру. Девочки предпочитали

продолжать взаимоотношения вне игры, нежели разрабатывать ее правила во избежание споров... мальчики [в играх] учатся независимости, организационным навыкам... Участвуя в контролируемых, социально одобряемых соревновательных ситуациях, они учатся соперничать сравнительно открытым способом: играть со своими врагами и состязаться со своими друзьями — все в соответствии с правилами игры. В противоположность этому, игры девочек обычно зарождаются в маленьких, более близких группах, часто это игры двух лучших подруг и в уединенном месте. Такая игра копирует социальную модель первичных человеческих отношений...»²⁶.

Объяснение актуализации этих стратегий именно в таком виде может быть различным, даже взаимодополняющим; но это несколько не умаляет того факта, что сами стратегии обналичивают, обнаруживают *возможное* в двух формах активности самосознания, что и есть антропологическая основа для рождения мужского и женского миров. Данные жизненные стратегии максимально проявляются в смысло-жизненных установках мужчин и женщин, что открывает путь к описанию и объяснению различий оттенков их ценностных миров мужского и женского в отношении категорий добро, красота, свобода, справедливость, милосердие, порядок, любовь и т.п. А особенности ценностных миров будут проявляться в жизненных целях, в реализации своих многообразных социальных ролей, в психологии повседневного поведения и т.п., что ждет еще своего описания в других текстах.

* * *

Итак, озвучим основные моменты нашего понимания пола.

1) Рождение в качестве мальчика или девочки является биологическим источником пола. Хромосомный набор, гормональный состав, устройство половых органов — устойчивая основа для идентификации человека в качестве мужчины или женщины. Тело — эта та реальность, из которой человеку не выпрыгнуть, но оно — не столько судьба, сколько именно источник.

2) Рождение в качестве «человека разумного» предполагает способность быть субъектом своей деятельности. Это становится еще одним источни-

²⁴ Следует заметить, что данные стратегии и их сочетания присущи любым субъектам деятельности: от отдельно индивида до локальных цивилизаций. В сложных социокультурных системах эти стратегии приобретают вид устойчивых тенденций, качество инертности. На уровне же человека, конкретных мужчин и женщин они представляют собой единую динамическую систему. Само название выделенных стратегий у человека как «мужская» и «женская» обусловлено их проявлением в архетипических образах, стилистикой мышления (что отражает и функциональные особенности мужского/женского мозга) и корреляцией с гормональным составом организма.

²⁵ Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщины // Этическая мысль: научн.-публицист. чтения. 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. [Электронный ресурс // URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/gilligan.htm>].

²⁶ Другое дело, что К. Гиллиган видит в описании детских игр влияние только социокультурной среды и не связывает их различие с теми же гормонами или с лидирующими стилями мышления.

ком формирования пола. То или иное соотношение внешней и внутренней форм активности позволяет оформиться двум вариантам жизненных стратегий как форм осмысленно-деятельностного отношения к миру, которые ассоциируются с мужским и женским началом в каждом человеке.

3) Феминность и маскулинность являются сложными образованиями, в которых отражается качество взаимодействия биологической, социальной и духовной природ каждого человека. Не они сами по себе являются переменными в человеке, а перемененно их соотношение. По сути, «мужское» и «женское» возникает на пересечении отношения человека к своему телу (как способ переживания своей телесности), вариантов социальной активности (что есть гедер как стиль социальной презентации пола), а также базовых жизненных стратегий человека (как форма ценностно-смыслового бытования пола). Сложность образовавшегося узора отражает следующее положение вещей:

- биологические задатки влияют на спонтанное проявление жизненных стратегий (так, уже новорожденные мальчики и девочки по-разному реагируют на происходящее вокруг них, что вполне коррелируется с приоритетом освоения или самоутверждения);
- жизненные стратегии могут иметь разную степень соответствия биологически предпочтительным формам активности;
- та или иная жизненная стратегия, в свою очередь, актуализируется социокультурными реалиями жизни человека;
- осмысляющее отношение к миру и себе порождает богатейший мир бессознательного, активно участвующего в половой идентич-

ности, формах проявления сексуальности (комплексы, архетипы, стереотипы, механизм проекций);

- феминность и маскулинность сами по себе существуют только в виде идеальных моделей, в реальности они — динамически существующие диалектические противоположности;
- качество диалога природ человека проявляется в том, насколько жизненные стратегии и биологические задатки не противостоят друг другу, но дополняют, насколько общество способствует раскрытию потенциала феминной и маскулинной жизненных стратегий мужчин и женщин, насколько они проявляют друг друга, а не вытесняют.

4) Наиболее полное проявление феминности и маскулинности происходит в отношениях друг с другом как во внешнем мире (с реальными партнерами), так и во внутреннем (со своим иным в себе). Так, один и тот же мужчина в общении с разными женщинами обнаруживает различный потенциал своей мужественности, то же происходит и с женщинами. Конкретные мужчина и женщина высвечивают друг в друге мужское и женское так, чтобы максимально дополнять друг друга здесь-и-сейчас.

Таким образом, пол — это результат взаимодействия тела и духа; сердцевиной пола является соотношение маскулинности и феминности как формы реализации биологических и духовных задатков, которые существуют либо в согласии с социокультурной средой, либо вопреки ей. Они не столько определяют нашу судьбу в качестве мужчин и женщин, сколько предлагают набор красок для создания неповторимых узоров реального бытования последних в обществе и культуре.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.
2. Бовуар Симона де. Второй пол. В 2-х т. М.: Прогресс; СПб: Алетейя, 1997.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
4. Брандт Г. Философская антропология феминизма: природа женщины. СПб: Алетейя, 2006.
5. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
6. Гегель Г.-Ф. Учение о бытии // Гегель Г.-Ф. Наука логики. Книга 1. Учение о бытии. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
7. Гегель Г.-Ф. Учение о сущности // Гегель Г.-Ф. Наука логики. Книга первая. Учение о сущности. Т. 2. М.: Мысль, 1971.
8. Гегель Г.-Ф. Феноменология духа // Гегель Г.-Ф. Сочинения. Т. IV. М., 1959.
9. Геодакян В. Эволюционная теория пола // Гордон А. Диалоги [2]. М.: Предлог, 2004.
10. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщины // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. 1991 / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 1992.

11. Джонсон Р. Мы: Глубинные аспекты романтической любви. М.: Когито-Центр, 2005.
12. Жеребкина И. Прочти моё желание: постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.
13. Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964.
14. Колесников В.Н. Лекции по психологии индивидуальности. М.: Институт психологии РАН, 1996.
15. Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Часть I. СПб: Алетейя, 2001.
16. Мид М. Культура и мир детства [Электронный ресурс // URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm].
17. Орлов Б.В., Эйнгорн Н.К. Духовные ценности: проблема отчуждения. Екатеринбург, 1993.
18. Розанов В. Люди лунного света. М., 1992.
19. Соловьев В. Смысл любви // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.
20. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с франц. М.: Касталь, 1996.
21. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. М.: Рефл-бук, 1998.

References (transliteration):

1. Berdyaev N. Metafizika pola i lyubvi // Russkiy eros ili filosofiya lyubvi v Rossii. M., 1991.
2. Bovuar Simona de. Vtoroy pol. V 2-h t. M.: Progress, SPb: Aleteyya, 1997.
3. Bodriyyar Zh. Soblazn. M.: Ad Marginem, 2000.
4. Brandt G. Filosofskaya antropologiya feminizma: priroda zhenschiny. SPb: Aleteyya, 2006.
5. Voronina O.A. Feminizm i gendernoe ravenstvo. M.: Editorial URSS, 2003.
6. Gegel' G.-F. Uchenie o bytii // Gegel' G.-F. Nauka logiki. Kniga 1. Uchenie o bytii. T. 1. M.: Mysl', 1970.
7. Gegel' G.-F. Uchenie o suschnosti // Gegel' G.-F. Nauka logiki. Kniga pervaya. Uchenie o suschnosti. T. 2. M.: Mysl', 1971.
8. Gegel' G.-F. Fenomenologiya duha // Gegel' G.-F. Sochineniya. T. IV. M., 1959.
9. Geodakyan V. Evolyucionnaya teoriya pola // Gordon A. Dialogi [2]. M.: Predlog, 2004.
10. Gilligan K. Inym golosom: psihologicheskaya teoriya i razvitie zhenschiny // Eticheskaya mysl': nauchn.-publicist. chteniya. 1991 / Pod obsch. red. A.A. Guseynova. M.: Respublika, 1992.
11. Dzhonson R. My: Glubinnye aspekty romanticheskoy lyubvi. M.: Kogito-Centr, 2005.
12. Zherebkina I. Prochti moe zhelanie: postmodernizm, psihoanaliz, feminizm. M.: Ideya-Press, 2000.
13. Kant I. Nablyudeniya nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo // Kant I. Sochineniya v 6-ti t. T. 2. M.: Mysl', 1964.
14. Kolesnikov V.N. Lekcii po psihologii individual'nosti. M.: Institut psihologii RAN, 1996.
15. Kon I. Muzhskie issledovaniya: menyayuschiysya muzhchiny v izmenyayuschemsya mire // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast' I. SPb: Aleteyya, 2001.
16. Mid M. Kul'tura i mir detstva [Elektronnyy resurs // URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm].
17. Orlov B.V., Eyngorn N.K. Duhovnye cennosti: problema otchuzhdeniya. Ekaterinburg, 1993.
18. Rozanov V. Lyudi lunnogo sveta. M., 1992.
19. Solov'ev V. Smysl lyubvi // Russkiy eros ili filosofiya lyubvi v Rossii. M., 1991.
20. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let: Per. s franc. M.: Kastal', 1996.
21. Fuko M. Istoriya seksual'nosti-III: Zabota o sebe. M.: Refl-buk, 1998.